

сутствия законодательной регламентации субъективной ошибки в уголовном праве.

А в разрезе темы настоящей статьи можно резюмировать, что социальный элемент в рамках преступления выступает не

только в качестве фактического звена, характеризующего деяние как антиобщественное, но и качественного показателя, который способен влиять на степень вины.

Шеслер А.В.,

доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск),
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

Шеслер С.С.,

кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЙСТВИЙ ПОДСТРЕКАТЕЛЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Анализ уголовного законодательства позволяет утверждать, что уголовно-правовая оценка действий подстрекателя к преступлению состоит как в дифференциации, так и в индивидуализации наказуемости таких действий. Дифференциация наказуемости действий подстрекателя к преступлению осуществляется через их квалификацию, в процессе которой дается уголовно-правовая оценка подобных действий как действий соучастника преступления в смысле ст. 33 УК РФ, а также как действий исполнителя и соисполнителя преступления. После квалификации действий подстрекателя к преступлению их уголовно-правовая оценка выражается в индивидуализации их наказуемости.

При квалификации действий подстрекателя к преступлению прежде всего необходимо их отличать по правовой сущности от действий других соучастников преступления. Это необходимо делать, во-первых, потому что в судебной практике нередко применяется избыточная квалификация, при которой действия одного лица квалифицируются одновременно как действия организатора и подстрекателя или еще как пособника, т.к. такое лицо одновременно выполняет их функции¹. Полагаем, что квалифи-

кация действий лица как организатора со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ поглощает квалификацию его действий как подстрекателя и пособника, а квалификация действий подстрекателя со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ поглощает квалификацию его действий как пособника. Выполнение подстрекателем к преступлению помимо подстрекательских действий также действий пособника должно учитываться не через дифференциацию, а через индивидуализацию уголовной ответственности и наказания в соответствии ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 67 УК РФ, т.е. через учет характера и степени фактического участия лица в совершении преступления.

Во-вторых, в судебной практике в ряде случаев действия подстрекателя, породившего развитие причинной связи в совместной преступной деятельности при отсутствии реальной фигуры организатора, квалифицируются как организация преступления². Вместе с тем для организатора преступления необходимо, чтобы он своими действиями породил не только развитие причинной связи между общим деянием и единым для соучастников преступным результатом, но и соединил их усилия для совершения преступления. Действия подстре-

¹ Напр.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2002 по делу № 53-001-79.

² Напр.: Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (1996-2004 гг.). М., 2006. С. 79-80, 117-118.

кателя, породившего развитие причинной связи в совместной преступной деятельности тем, что он возбудил в других соучастниках решимость совершить преступление, только этим и ограничиваются.

В-третьих, действия всех участников организованной группы в судебной практике, независимо от их роли в содеянном, квалифицируются как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ¹. На наш взгляд, подобная позиция необоснованна, т.к. она противоречит заложенным в ч. 2 и ч. 3 ст. 34 УК РФ основаниям дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления в зависимости от характера и степени фактического участия каждого из них в совершении преступления, которые определяются соисполнительством или иным участием в преступлении (действиями организатора, подстрекателя или пособника). Поэтому действия подстрекателя, являющегося участником организованной группы, который полностью или частично не выполнял деяние, входящее в объективную сторону конкретного состава преступления, должны квалифицироваться как соучастие в соответствующем преступлении, совершенном организованной группой, со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Избежать подобных ошибок в квалификации позволит понимание сущности действий подстрекателя к преступлению, которое состоит в том, что он склонил других соучастников к преступлению (возбудил в них решимость совершить преступление), не выполняя при этом полностью или частично деяние, входящее в объективную сторону конкретного состава преступления. В тех случаях, когда подстрекатель к преступлению вместе с другими лицами выполняет такое деяние, он становится соисполнителем преступления и его действия должны квалифицироваться без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ. Фактическое выполнение таким подстрекателем действий по возбуждению у других соисполнителей решимости совершить преступление должно получать уголовно-правовую оценку через индивидуализацию уголовной ответственности и наказания в соответствии с ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 67 УК РФ.

Действия подстрекателя к преступлению квалифицируются как действия исполнителя преступления без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ только в тех случаях, когда они образуют самостоятельный состав преступления (например, в ч. 1 ст. 205.1, ст. 205.2 УК РФ). Тенденцией развития действующего уголовного законодательства является расширение криминализации подстрекательской деятельности через признаки самостоятельного состава преступления, выполнение которого образует исполнительские действия. Полагаем, что такие законодательные конструкции не дают внятного представления об основаниях и пределах уголовной ответственности подстрекателя к преступлению, обуславливают ошибки в судебной практике при квалификации его действий, состоящие в том, что действия исполнителя преступления квалифицируются как действия подстрекателя, и наоборот.

И наконец, при квалификации действий организатора преступления необходимо отличать их от организаторских действий, которые соучастием в преступлении не являются. Они представляют собой подстрекательство к преступлению лиц, не являющихся субъектами преступления, например вовлечение в совершение преступления несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности (ст. 150 УК РФ), либо подстрекательство к совместной правонарушающей деятельности, например вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), или даже подстрекательство к девиантным действиям, не являющимся правонарушением, например склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110.1 УК РФ). В подобных ситуациях возможно соучастие нескольких подстрекателей этих видов деятельности, по сути, их соисполнительство. Такое соисполнительство учитывает законодатель, предусматривая, в частности, в качестве квалифицирующего признака вовлечение в совершение преступления несовершеннолетнего осуществление этого действия через преступную группу (ч. 4 ст. 150 УК РФ), а при склонении к самоубийству и при вовлечении в занятие проституцией – совершение этих

¹ Напр.: О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1, п. 10.

преступлений группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «г» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ, п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 240 УК РФ). Иные лица, которые скло-

няются к совершению правонарушений или девиантных действий, соучастниками преступления не являются.

Мальков С.М.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Институт необходимой обороны в рамках уголовно-правовых норм и уголовно-правовых отношений законодательству Российской Федерации известен на протяжении длительного времени: ст. 98 Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных (1845 г.); ст. 45 Уголовного Уложения (1903 г.); ст. 13, 139 УК РСФСР (1926 г.); ст. 13 УК РСФСР (1960 г.); ст. 37 УК РФ (1996 г.). За период действия уголовного законодательства нормы о необходимой обороне подвергались изменениям, совершенствовалась судебная практика, в том числе и Верховного Суда СССР и Российской Федерации, что обусловило принятие нескольких постановлений Пленума, в которых обобщалась правоприменительная практика о применении нормы о необходимой обороне, а также предлагались варианты толкования и применения.

Вместе с тем действующее законодательство и практика применения нормы о необходимой обороне далеки от совершенства, имеется много вопросов, требующих единообразного решения. Правовая природа необходимой обороны характеризуется неопределенностью и неконкретностью многих положений, а также применением большого количества оценочных понятий для толкования нормы правоприменителем, что негативно сказывается на эффективности рассматриваемого института.

В связи с этим обратим внимание на некоторые проблемы, препятствующие совершенствованию правоприменительной практики о необходимой обороне.

1. Одним из условий правомерности необходимой обороны является общественно опасное посягательство, на которое четко указал законодатель в ч. 1 ст. 37 УК РФ. Раскрывая основное содержание данного понятия п. 3 постановления Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» указывает как на непосредственную угрозу личности обороняющегося, так и на посягательство на иные охраняемые уголовным законодательством объекты: неприкосновенность жилища, чужую собственность, общественную безопасность, в том числе безопасность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения. Верховный Суд РФ признает возможность устранения в рамках необходимой обороны и ряда неосторожных преступлений. Кроме того, обращая внимание на возможность защиты от побоев (ст. 116, 116.1 УК РФ) вполне логично предположить и возможность защиты от побоев, за причинение которых установлена административная ответственность (ст. 6.1.1. КоАП РФ).

Таким образом, в рамках необходимой обороны необоснованно предоставлено право на устранение не только преступлений, фактически угрожающих жизни и здоровью личности, но и тех преступлений, которые не связаны с посягательством на личность, в том числе и неосторожных, а также административных правонарушений. Считаем, что законодатель искусственно завысил объем основания правомерности необходимой обороны, указав на общественно опасное посягательство. Это понятие не соответствует сущности института необходимой обороны и ее цели, заключающейся в нейтрализации посягательства и защите основных прав и свобод граждан, поскольку защита обороняющегося является ответной реакцией на угрозу реальной агрессии, вызванной неправомерными действиями ли-